„Пров 49

Вл. Бурцевъ.

К вопросу — что дѣлать?

ДОЛОЙ ЦАРЯ!

Дѣлайте.

1) Отъ издателей. — 2) Статьи Бурцева изъ 1-3 №№ „*Народовольца*“: „*Къ вопросу — что дѣлать?*“, „*Правда-ли, что терроръ дѣйствуетъ, но о немъ не говорятъ?*“, „*За терроръ.*“, „*Рабочее движеніе въ Россіи.*“ 3) Дѣло Бурцева по поводу изданія „*Народовольца*“.

Ecrasez l'infâme!

Вольтеръ.

„*Если вы, гг. судьи, взглянете въ отчеты о политическихъ процессахъ, въ эту открытую книгу бытія, то вы увидите, что русскіе народолюбцы не всегда дѣйствовали метательными снарядами, что въ нашей дѣятельности была юность, розовая, мечтательная и, если она прошла, то не мы тому виною*“.

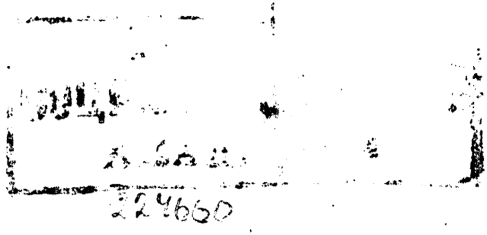
Желябовъ.

Цѣна 1 fr.

ЛОНДОНЪ

70, Grafton str., Tottenham court Rd

1901, октябрь.

КЪ ВОПРОСУ — ЧТО ДѢЛАТЬ?

(*Изъ 1-го „Народовольца“.*)

Александръ III благополучно процарствовалъ цѣлыхъ 14 лѣтъ, и вотъ уже 7-ой годъ не менѣе благополучно царствуетъ Николай II, — и это въ то время, когда реакція должна была, повидимому, вызвать противъ себя сильнѣйшій отпоръ со стороны революціонеровъ и свести ихъ *боевую* программу къ одному пункту: *цареубійству*, — а, если бы оказалось нужнымъ, то *къ цѣлому ряду цареубійствъ и къ систематическому политическому террору*.

Начиная съ 1881 года, реакція была все время такова, что добиться сколько-нибудь серьезныхъ уступокъ, даже какой-нибудь лорисъ-меликовщины, возможно было едва-ли не исключительно только тѣми средствами, которыми Исполнительный Комитетъ поколебалъ реакцію въ концѣ 70-хъ годовъ, а между тѣмъ, чѣмъ занимались въ эти мертвые годы и русскіе революціонеры и русское общество? — они заводили народныя школы, вели пропаганду, издавали книги и газеты, и менѣе всего заботились о тѣхъ средствахъ борьбы, посредствомъ которыхъ вѣрнѣе всего было бы накинуть горячечную рубашку на русскій деспотизмъ и такимъ образомъ расчистить дорогу для тѣхъ же народныхъ школъ и для той же пропаганды среди рабочихъ, крестьянъ и среди разныхъ слоевъ общества.

Намъ приходится отмѣтить еще одно — болѣе печальное обстоятельство.

Когда появлялись кружки, бравшіе на себя инициативу политическаго террора, они встрѣчали не только холодность и общее безучастіе, но не было полѣна, какого бы только ни бросали имъ подъ ноги. Въ то время, какъ правительство послѣ 1881 г. изъ силъ выбивалось въ борьбѣ съ террористами, готово было мирволить разнаго рода пропагандѣ, лишь бы отвлечь революціонеровъ отъ террора, — люди разныхъ партій, повидимому, только, и мечтавшіе что объ уничтоженіи самодержавія, съ какимъ-то удивительнымъ единодушіемъ старались направо и налѣво кричать объ яко бы доказанной безрезультатности политическаго террора, его вредномъ вліяніи на другія отрасли революціонной и общественной дѣятельности и т. д., — и въ этомъ случаѣ, надо признаться, всѣ эти противники террора работали подъ тактъ, который выбивали имъ Судейкины въ Департаментѣ Полиціи.

Ослѣпленіе доходило до страшныхъ предѣловъ. Люди, которые съ энтузіазмомъ готовы были аплодировать террористической борьбѣ и ждали отъ нея выхода изъ современнаго положенія вещей, люди, на которыхъ террористы имѣли право смотрѣть, какъ на своихъ ближайшихъ единомышленниковъ, создавали для возстановленія террористическаго движенія серьезныя препятствія. Обсужденіе въ литературѣ вопроса о политическомъ терроръ, по ихъ мнѣнію, было не дозволительнымъ, оно приравнивалось ими къ „*науськиванію*“. Нравственно дозволительнымъ было лишь одно личное непосредственное участіе въ терроръ. На разные лады повторялась нелѣпѣйшая изъ нелѣпыхъ мысль, что о терроръ не говорятъ, а терроръ дѣлаютъ и т. д. Все это сопровождалось ложными ссылками на прошлое, разсужденіями, не выдерживающими критики, и, къ слову сказать, трогательно совпадало съ тѣмъ, что о террористической дѣятельности всегда говорили Катковы, Щербани и К°.

Едва ли можно сомнѣваться, что политическій терроръ, какъ рефлексъ, какъ результатъ единоличной борьбы, теперь едва-ли возможенъ въ широкихъ размѣрахъ, и во всякомъ случаѣ его значеніе не можетъ не быть сравнительно ничтожнымъ въ общей революціонной борьбѣ.

Терроръ возможенъ въ настоящее время въ размѣрахъ, которые далеко оставятъ за себой все, что видѣли 1879-81 годы, но *только въ томъ случаѣ*, если онъ будетъ дѣломъ сильной, *спеціальной* организаціи, и будетъ опираться на ясное признаніе со стороны не однихъ террористическихъ кружковъ, а значительныхъ слоевъ общества, — а для этого русскимъ революціонерамъ нужно бросить заниматься терроромъ „*между прочимъ*“, надо его пропагандировать и дѣлать популярнымъ, расчищать для него почву такъ же, какъ это мы дѣлаемъ, когда считаемъ нужнымъ организовать школы, устроить стачку, основать газету и т. д.

Тѣ, кто признаютъ терроръ, но отрицаютъ систематическую работу для его организаціи, рубятъ сукъ, на которомъ сидятъ. Они такъ же, какъ и явные антитеррористы, въ родѣ толстовцевъ и соціалъ-демократовъ, систематически парализуютъ возникновеніе активной партіи борьбы съ русскимъ правительствомъ. Оглядываясь на прошлое, они могутъ не безъ удовольствія видѣть, сколько удачныхъ ударовъ ими нанесено террористическому движенію, сколько здоровыхъ всходовъ затоптано, сколько хорошихъ начинаній сведено на нѣтъ. Но пусть они въ то же время распинутся и подъ другимъ результатомъ своей дѣятельности: *русское самодержавіе и до сихъ поръ существуетъ во всемъ своемъ безобразіи, и борьба съ нимъ все такъ же настоятельна, какъ была и въ 1881 году.*

Но какъ ни сильно было систематическое противодѣйствіе народовольческому движенію со стороны разныхъ партій, и послѣ

1881 г. нельзя указать ни *одного* года, когда бы не возникали въ Россіи то тамъ, то здѣсь террористическія организаціи, заключавшія въ своей средѣ людей, доказавшихъ потомъ годами тюрьмы и каторги и своей смертью беззавѣтную преданность революціонному дѣлу, и теперь, вспоминая чудныя личности Степуриныхъ, Ульяновыхъ, Коганъ-Бернштейновъ и многихъ, многихъ другихъ, стоявшихъ послѣ 1881 года подъ знаменемъ Народной Воли, невольно хочется спросить всѣхъ толстовцевъ и соціалъ-демократовъ: „*чего вы достигли?*“. — Цѣной дискредитированія могущественнаго движенія и парализованія дѣятельности его членовъ вы достигли лишь кой-какихъ второстепенныхъ завоеваній, которыя, безъ всякаго сомнѣнія, были бы сдѣланы еще въ болѣе широкихъ размѣрахъ подъ знаменемъ Народной Воли или другихъ, аналогичныхъ съ Народной Волей, *террористическихъ* партій.

Вмѣсто содѣйствія террористы встрѣчали со всѣхъ сторонъ сомнѣнія, колебанія, отрицаніе ихъ способовъ дѣйствія. Нашему сонному обществу, какъ нельзя болѣе, было пріятно услышать эту горячую антитеррористическую пропаганду. Всѣ трусы, эгоисты, россійскіе гамлеты увидѣли въ ней оправданіе своего безучастія, — и Степурины и Ульяновы оставались безъ всякой возможности начать свою борьбу и погибали, не оказывая и сотой доли вліянія на русскія дѣла, на какое они были способны. Ихъ вѣрно оцѣнивало одно лишь правительство: — въ своей самозащитѣ отъ *возможныхъ* нападеній этихъ народовольцевъ оно доходило до послѣдней степени самоуниженія и въ борьбѣ противъ нихъ напрягало всѣ свои силы, какъ бы указывая и революціонерамъ и обществу, *чего* оно больше всего боится и *какъ* нужно съ нимъ бороться.

Передъ террористами всегда стояла альтернатива: или ждать, когда правительство вгонитъ въ терроръ и соціалъ-демократовъ и либераловъ, и эти недавніе антитеррористы примутся подыскивать аргументы для новаго поворота въ своей дѣятельности, или же начинать дѣло при наличныхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Террористическіе кружки, которые нехотѣли ждать, сдѣлали свое дѣло, — они сохранили традиціи Народной Воли и являлись чуть не единственной серьезной силой, сдерживавшей реакцію правительства. Они вліяли на него не столько тѣмъ, что время отъ времени наносили ему удары, сколько тѣмъ, что держали его въ постоянномъ страхѣ.

Насколько это окажется возможнымъ, по конспиративнымъ соображеніямъ, мы будемъ знакомить своихъ читателей со всѣмъ, что можетъ служить для выясненія террористическаго движенія, какъ въ его недавнемъ прошломъ, такъ и въ настоящее время, и въ первомъ же номерѣ „*Народовольца*“ мы напоминаемъ въ нѣсколькихъ словахъ объ одной изъ многихъ эмигрантскихъ попы-

токъ поднять вопросъ объ организаціи террористической партіи въ Россіи.

Найдется, къ сожалѣнію, не мало людей, которые вообще скептически отнесутся къ вопросу о правѣ эмигрантовъ принимать активное участіе въ русскомъ революціонномъ движеніи, особенно въ террористической дѣятельности. Подобный взглядъ на эмиграцію, по нашему мнѣнію, болѣе чѣмъ только несправедливъ и нелѣпъ, онъ — крайне вреденъ, и при томъ не новъ: еще въ 1862 г. скверной памяти Катковъ бросилъ Герцену обвиненіе въ „науськиваніи русскихъ революціонеровъ изъ-за спины англійскаго полисмена".

Русская эмиграція уже оказала серьезныя услуги революціонному движенію, — а если наши оппозиціонные и революціонные дѣятели поймутъ, наконецъ, какую роль сможетъ сыграть въ борьбѣ съ правительствомъ эмиграція сильная, хорошо освѣдомленная, пользующаяся постоянной, серьезной поддержкой изъ Россіи, и если они постараются создать такую именно эмиграцію, — то они тѣмъ самымъ придадутъ новый энергическій размахъ революціонному движенію, и онъ будетъ роковымъ для самодержавія. Народная Воля, думается намъ, была бы гораздо сильнѣе, и ей легче было бы устоять на ногахъ въ тяжелые годы, если бы за ней стояла подобная эмиграція.

Что же касается упрековъ, посылаемыхъ по адресу нѣкоторыхъ эмигрантовъ, въ томъ, что они занимаются именно террористическими планами, то спрашивается, какая разница между пропагандой: террора, организаціи рабочихъ или созданія нелегальной литературы? По крайней мѣрѣ, принципіальной разницы никакой нѣтъ.

Тѣ, кто обвиняютъ эмиграцію за ея заботы о террористическомъ движеніи, должны помнить, что эмигрантами-террористами полны всѣ каторжныя тюрьмы вплоть до Шлиссельбургской крѣпости, и что этой цѣной они завоевали себѣ право говорить и заботиться и о террористическихъ дѣлахъ такъ же, какъ и о другихъ дѣлахъ, которыя имъ дороги.

Въ 1888 г. находились, напримѣръ, и такіе господа, которые метали свои громы противъ С. Гинсбургъ за то, что она, будучи за границей, „за спиною англійскаго полисмена", хлопотала о созданіи террористической организаціи. Въ томъ же году, при первой же возможности, Гинсбургъ для реализаціи тѣхъ плановъ, которыми она была занята заграницей, уѣхала въ Россію (не для устройства фейерверковъ въ царскіе дни, конечно), была тамъ арестована и вскорѣ погибла въ Шлиссельбургской крѣпости.

Пусть же теперь будетъ стыдно тогдашнимъ ея развязнымъ обвинителямъ!

Въ 1887-88 г.г. заграницей одновременно появились нѣсколько новыхъ эмигрантовъ-народовольцевъ изъ числа бѣжавшихъ сибирскихъ ссыльныхъ и ускользнувшихъ отъ правительственныхъ

преслѣдованій по народовольческимъ дѣламъ,— между ними были: Софья Михайловна Гинсбургъ, Дембо и нѣкоторые изъ принимающихъ теперь постоянное участіе въ „*Народовольцѣ*“. Въ послѣдующіе годы эти эмигранты входили въ различныя народовольческія организаціи, и многіе изъ нихъ дорого поплатились уже за свои попытки возобновить народовольческую дѣятельность.

Ихъ призывъ, однако, встрѣтилъ мало сочувствія на дѣлѣ, собравшихся около нихъ силъ и средствъ было слишкомъ недостаточно для того, чтобы начать борьбу. Организованная ихъ противниками пропаганда о безплодности террора, легенды, сфабрикованныя для компрометированія Народной Воли, вырывали у нихъ почву изъ подъ ногъ.

Еще въ 1889 г. Гинсбургъ отъ имени своихъ товарищей по дѣлу уѣхала нелегальной въ Россію. Но и тамъ революціонная мысль была далека отъ раціональной постановки вопроса.

Если бы русскіе революціонеры были тогда дальновидніѣй и посмотрѣли на предложенія Гинсбургъ, какъ на дѣло первой важности, она тогда же смогла бы вызвать изъ-за границы многихъ изъ своихъ друзей, которые только ждали отъ нея нужныхъ свѣдѣній для того, чтобы присоединиться къ своимъ единомышленникамъ въ Россіи. Они явились бы новой силой для борьбы съ правительствомъ и, конечно, сумѣли бы нанести ему не одинъ ударъ.

Къ счастью для правительства разлагающая антитеррористическая пропаганда сдѣлала свое дѣло, — и Гинсбургъ погибла прежде, чѣмъ встрѣтила какую-нибудь поддержку. Съ ея арестомъ временно подорваны были надежды ея товарищей, остававшихся заграницей.

Около того же времени одному изъ заграничныхъ народовольческихъ кружковъ былъ неожиданно нанесенъ тяжелый ударъ. Находившійся заграницей эмигрантъ Дембо, бѣжавшій вслѣдствіе обвиненія въ покушеніи на цареубійство 1-го марта 1887 г., производилъ, по просьбѣ товарищей изъ Россіи, опыты съ взрывчатыми веществами и при одномъ изъ опытовъ въ окрестностяхъ Цюриха погибъ отъ взрыва бомбы, случайно выскользнувшей изъ рукъ, когда онъ уже возвращался домой со своимъ товарищемъ по дѣлу, извѣстнымъ польскимъ дѣятелемъ, Дембскимъ.

Но со смертью Дембо и арестомъ Гинсбургъ начатое ими дѣло не остановилось. Ихъ товарищи, оставшіеся заграницей, осенью 1889 г. — главнымъ образомъ въ Парижѣ — сорганизовались въ новую группу и стали продолжать прежнее дѣло.

На этотъ разъ ихъ уже мало озабочивала техническая сторона дѣла: опыты Дембо и его друзей, остававшихся на свободѣ, хорошо рѣшали эту сторону вопроса. Прежнія кибальчичевскія и перво-мартовскія 1887 года динамитныя бомбы, большія по размѣру, требовавшія спеціальныхъ условій для ихъ приготовленія, замѣнились пикластитными. Бомба, величиной въ небольшой

апельсинъ, производила страшное разрушеніе. Процессъ приготовленія ихъ былъ упрощенъ, и ихъ можно было дѣлать не только въ любой лабораторіи, но и въ обыкновенной студенческой квартирѣ, при чемъ все необходимое безъ труда можно было достать въ каждой аптекѣ. Техническіе вопросы вообще были разработаны такъ, что при серьезной организаціи, обладающей хорошими связями и средствами, возможно было въ *любое* время, даже *послѣ сильнѣйшихъ погромовъ*, во время *полнаго затишья и торжества антитеррористовъ*, неожиданно для правительства начать противъ него систематическій терроръ въ такихъ размѣрахъ, до какихъ не доходилъ и терроръ въ 1879-1881 г.г.

Такая борьба, безъ сомнѣнія, заставила бы правительство сдаться въ самое короткое время.

Группѣ парижскихъ эмигрантовъ, о которой мы говоримъ, необходимо было только провѣрить результаты одного химическаго опыта, и они передъ своей поѣздкой въ Россію занялись этимъ. О фабрикаціи бомбъ заграницей для ввоза въ Россію не было и рѣчи. Для всѣхъ было ясно, что бомбы должны были быть приготовляемы на мѣстѣ, въ самой Россіи, согласно съ тѣми опытами, которые были сдѣланы заграницей.

Но и на этотъ разъ не удалось довести дѣло до желаннаго конца. Отсутствіе средствъ и серьезной помощи со стороны окружающихъ были главной причиной неудачи въ этомъ случаѣ, какъ и въ дѣлѣ Гинсбургъ и во *всѣхъ* другихъ подобныхъ попыткахъ. Вмѣсто того, чтобы приступить къ дѣлу *немедленно*, вводя въ организацію возможно меньше лицъ, *пришлось* разбрасываться, тратить напрасно время, обращаться за помощью къ лицамъ въ значительной степени постороннимъ и т. д. Во время этихъ поисковъ кружокъ столкнулся съ провокаторомъ Гекельманомъ (Ландезеномъ), уже лѣтъ пять до того вращавшимся среди эмигрантовъ, и кружокъ былъ выданъ.

Пришлось отложить на нѣкоторое время много широко и хорошо задуманныхъ предпріятій.

Я не имѣю въ виду говорить здѣсь, въ чемъ проявились за послѣдніе годы попытки находившихся заграницей народовольцевъ, стремившихся возбудить въ Россіи вопросъ о необходимости террористической организаціи. Скажу только, что народовольцы, участвовавшіе въ прежнихъ организаціяхъ, о которыхъ была рѣчь выше, оставались все время въ общемъ вѣрны своей программѣ и не переставали убѣждать другія фракціи вступить на путь, по которому шло революціонное движеніе въ 1879-81 г.г.

Надо, однако, признать, что какъ отдѣльные народовольцы, такъ и цѣлыя ихъ организаціи, не обнаружили за эти годы особой способности къ *общей* организаціи и не рѣдко расходились между собою изъ-за спора о значеніи третьестепенныхъ вопросовъ. Другія, ненародовольческія, фракціи еще усилили свою прежнюю враж-

дебную дѣятельность противъ Народной Воли и ея представителей, а правительство держалось правила divide et impera и только все усиливалось благодаря *„нашимъ разногласіямъ“*.

Въ то время, когда антитеррористы такъ усердно кричали о безполезности террора и старались ослабить дѣятельность тѣхъ, кто былъ его сторонникомъ, правительство тратило баснословныя суммы, напрягало всѣ свои силы, готово было измѣнять направленіе внѣшней политики, лишь бы только парализовать дѣятельность кружка народовольцевъ, о которомъ мы говорили, кружка людей безъ средствъ, съ незначительными связями и сильныхъ лишь правотой своей практической программы дѣйствія и пониманіемъ современныхъ революціонныхъ задачъ.

Не останавливаясь на массѣ отдѣльныхъ фактовъ этого рода правительственной дѣятельности (константинопольскій арестъ Луцкаго, хлопоты о заключеніи трактата о выдачѣ „политическихъ преступниковъ“ съ Сѣверной Америкой, шпіонскія провокаціи въ Румыніи, въ Болгаріи въ 1890-91 г.г. и т. д.) мы напомнимъ лишь то, что произошло въ 1890 г. въ Парижѣ. На этотъ счетъ мы находимъ любопытныя свѣдѣнія въ книгѣ извѣстнаго французскаго сенатора Эрн. Доде „Histoire diplomatique de l'alliance Franco-Russe“.

„Въ 1890 году“, говоритъ Доде: *„намъ представился случай оказать русскому правительству очень важную услугу“. „Констанъ черезъ русскихъ и французскихъ агентовъ узналъ, что русскіе революціонеры въ Парижѣ заняты приготовленіемъ взрывчатыхъ веществъ и намѣрены (?) везти ихъ въ Россію. Русскій посланникъ Моренгеймъ потребовалъ, чтобы французское правительство приняло мѣры и недопустило ввоза динамита въ Россію. Рибо, Фрейсине и Констанъ, которымъ онъ сообщилъ свои опасенія, взяли на себя самыя формальныя обязательства въ томъ, что они помѣшаютъ революціонерамъ вывезть динамитъ изъ Парижа“.* Но этого Моренгейму и всей его кликѣ было мало, онъ все еще боялся, что *„кому-нибудь изъ революціонеровъ все-таки удастся уѣхать и увезти одну или двѣ бомбы“*, и этотъ представитель „великой державы“, который, повидимому, можетъ тратить свое драгоцѣнное время лишь на дѣла обще-европейскаго значенія, позабываетъ и думать о своемъ достоинствѣ, бѣгаетъ по переднимъ Констана и ежедневно надоѣдаетъ ему просьбами объ арестѣ „нигилистовъ“.

21 мая (н. ст.) Констанъ собрался ѣхать съ Карно на югъ Франціи. Моренгеймъ, перепуганный тѣмъ, что безъ Констана „нигилисты“, навѣрное, скроются, бросается къ нему на квартиру молить объ арестахъ, но Констанъ уже уѣхалъ на вокзалъ. Моренгеймъ — откуда взялась и прыть — бросается за нимъ и тамъ застаетъ Констана, который его и успокаиваетъ, что „мѣры“ приняты. Моренгеймъ сталъ собираться уѣзжать, но Констанъ обратилъ его вниманіе на то, что свиданіе ихъ замѣчено журналистами и, чтобы избѣжать толковъ, онъ ему посовѣтовалъ дождаться Карно.

Черезъ минуту Карно при входѣ въ вагонъ простился съ русскимъ посланникомъ и былъ очень польщенъ любезностью Моренгейма, истинной причины которой онъ не понималъ, и *„горячо его благодарилъ за честь“*.

Послѣ отъѣзда Констана ничего особеннаго не произошло, но Моренгейму не терпѣлось, и онъ 26 мая *„явился къ Рибо и сталъ увѣрять его, что очень важный нигилистъ собирается уѣзжать въ Россію“*. Это было съ его стороны не болѣе, какъ хитрость для того, чтобы добиться, наконецъ, ареста русскихъ революціонеровъ*).

Къ Констану былъ посланъ спеціальный чиновникъ съ просьбой разрѣшить произвести аресты. Констанъ далъ свое согласіе, и 29 мая въ Парижѣ было арестовано 13 человѣкъ — русскихъ и поляковъ.

Александръ III, когда узналъ обо всемъ происшедшемъ въ Парижѣ, выразилъ свою глубокую признательность французскому правительству за его содѣйствіе въ борьбѣ съ народовольцами. *„Императоръ“*, говоритъ Доде : *„высказалъ свою благодарность французскому посланнику Лабуле въ такихъ выраженіяхъ, которыя ясно говорили объ ея искренности и глубинѣ“*.

Александръ III, который готовъ былъ въ 1886 г. разорвать дипломатическія сношенія съ Франціей вслѣдствіе того, что французское правительство амнистировало Кропоткина и выпустило его изъ тюрьмы, почти сразу перемѣнилъ свою внѣшнюю политику, и арестъ русскихъ революціонеровъ въ Парижѣ, по словамъ Доде, имѣлъ большое значеніе въ исторіи франко-русскихъ сношеній.

Намъ рѣдко приходится въ чемъ-либо соглашаться съ людьми въ родѣ Александра III, но въ данномъ случаѣ, въ оцѣнкѣ такихъ революціонныхъ организацій, какимъ былъ кружокъ парижскихъ народовольцевъ, и цѣлесообразности намѣченнаго ими пути, мы — надо въ этомъ сознаться—болѣе согласны съ нимъ, чѣмъ съ тѣми революціонерами, которые отрицаютъ терроръ или откладываютъ его „на завтра“. Александръ III и Моренгеймы чувствовали, что найдено ихъ слабое мѣсто и готовы были обивать пороги какого-нибудь Констана, играть жалкую роль, лишь бы вымолить себѣ помощь противъ народовольцевъ, начинавшихъ борьбу съ ними. И это было тогда, когда они имѣли противъ себя лишь небольшой кружокъ лицъ, почти безъ средствъ и связей, обезсиленныхъ общею безучастностью и къ тому же атакованныхъ другими политическими фракціями.

Въ какое же положеніе попалъ бы Александръ III съ его Моренгеймами, если бы, наконецъ, образовалась могучая партія Народной Воли, которая пользовалась бы, какъ въ былое время, об-

*) Двое народовольцевъ, дѣйствительно, выѣхали благополучно изъ Франціи въ Россію, но это было еще за мѣсяцъ до арестовъ 29 мая.

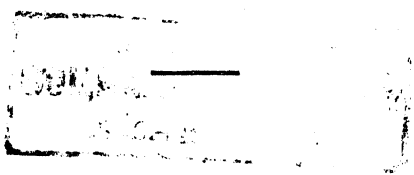
щимъ сочувствіемъ и содѣйствіемъ, и имѣла бы возможность поставить дѣло борьбы такъ широко, какъ это теперь позволяетъ *и техника* и накопившійся *революціонный опытъ*? — На этотъ вопросъ не трудно дать себѣ отвѣтъ.

Такихъ народовольческихъ организацій, какъ парижская, за время послѣ 1881 года бывало очень много въ самой Россіи. Русская жизнь не *переставала* выдѣлять изъ себя революціонеровъ, которые съ честью могли бы стоять подъ знаменемъ Народной Воли.

Въ такомъ же положеніи находится дѣло и теперь: есть люди, которые могли бы начать активную борьбу съ правительствомъ, есть всѣ условія для ихъ дѣятельности. Но измѣнится-ли, наконецъ, общая атмосфера, парализующая созданіе террористической партіи? поймутъ ли, наконецъ, наши противники, *кому* они служатъ, борясь съ Народной Волей? съумѣютъ-ли реализировать свои планы практической борьбы сами народовольцы хотя-бы *постольку, поскольку* это будетъ зависѣть *исключительно* отъ нихъ? — вотъ вопросы, на которые отвѣты дастъ намъ ближайшее будущее.

Но какъ бы ни сложились обстоятельства, отдѣльные народовольцы должны продолжать защищать свое знамя, отыскивать другъ друга, сплачиваться въ организаціи, начинать борьбу при первой возможности и убѣждать всѣхъ, что на вопросъ „*что дѣлать?*“ теперь существуетъ одинъ отвѣтъ: *возобновить партію Народной Воли,* и другого отвѣта нѣтъ.

Влад. Бурцевъ.

Отдѣльный оттискъ
изъ брошюры Вл. Бурцева „*Долой Царя!*“ 1901 г.